

УДК 1:3

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-96-103

СУБЪЕКТ ПРАВА ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА И И.А. ИЛЬИНА

Красова Е.М.

Мурманский арктический государственный университет

183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, Российская Федерация

Аннотация: В статье анализируются возможные критерии оценки человека в качестве субъекта права. Особое внимание уделяется тем характеристикам субъекта права, которые появляются благодаря развитию в техногенной цивилизации биотехнологий. На основе идей В.С. Соловьева и И.А. Ильина делается вывод о том, что в качестве таких критериев целесообразно применять осмысленность связи между целью и последствиями её достижения, а также характер и степень реализации нравственных принципов в действиях субъекта. Ставится акцент на единство основ нравственности и права.

Ключевые слова: субъект права, биотехнологии, справедливость, деятельность.

THE SUBJECT OF LAW IN TECHNOGENIC CIVILIZATION IN THE PHILOSOPHY OF V. SOLOVYOV AND I. ILYIN

Ye. Krasova

Murmansk Arctic State University

15, Captain Yegorov st., Murmansk, 183038, Russian Federation

Abstract: The article analyzes possible criteria for assessing a person as a subject of law. Special attention is paid to the characteristics of the subject of law that emerge due to the development of biotechnologies in technogenic civilization. On the basis of the ideas of V. Solovyov and I. Ilyin the author concludes that it is reasonable to apply the following criteria to the subject of law assessment: awareness of the connection between the purpose and the consequences of its achievement, the nature and extent to which moral principles are realized in the subject's actions. The unity of moral and legal frameworks is highly emphasized.

Keywords: subject of law, biotechnologies, justice, activity.

Как известно, одна из важнейших задач социальной философии заключается в том, чтобы помочь человеку в осмыслении происходящих в обществе перемен. От современных философских концепций ждут, что они хотя бы в общих чертах наметят пути решения возникающих проблем, помогут противостоять вызовам общественного развития нашего времени. Недостаток внимания к назревающим проблемам со стороны современной социальной философии приводит к тому, что в практике социальной действительности могут нарастать непреодолимые противоречия, значительно осложняющие жизнь людей. То, что сейчас

проявляет себя лишь как незначительная тенденция, через некоторое время может стать серьёзным препятствием на пути общественного развития. Совершенно очевидно, что, чем раньше будет диагностирована проблема, тем более эффективным окажется её решение.

Одна из быстро растущих областей техногенной цивилизации – сфера биомедицинских технологий. Современный мир невозможно представить без этой быстро набирающей темпы сферы технологического развития. О достижениях в области биотехнологий вольно или невольно в той или иной степени осведомлен каждый человек. Генетически модифицированные организмы, клонирование, суррогатное материнство и другие феномены этой сферы давно стали неисчерпаемой темой для средств массовой информации. В них постоянно отражаются споры этического и правового характера по поводу экспериментов с генетическим материалом и эмбриональными стволовыми клетками. Но ведь ещё относительно недавно такие же споры велись и по поводу других подобных феноменов биомедицины; ныне вполне устоявшихся и уже не вызывающих отторжения ни в обществе, ни в государстве, ни даже в большинстве религиозных конфессий. Это ставшие вполне стандартными процедуры, к которым относится переливание крови, пересадка костного мозга, другие операции по трансплантологии, цитологические исследования (в частности, с целью выявления онкологических заболеваний), ультразвуковое внутриутробное исследование плода и другие подобные им манипуляции. Привычность для нас этих процедур даёт осно-

вания предполагать, что в недалеком будущем многие из тех биомедицинских технологий, которые сейчас вызывают опасения или непонимание, вполне могут перейти в разряд рутинных врачебных манипуляций. Но из-за медийной шумихи социально-философские, в том числе философско-правовые, аспекты того или иного достижения в сфере биомедицины часто оказываются вне научного дискурса. Их воспринимают преимущественно с точки зрения обыденного сознания, либо восхищаясь открывающимися впереди грандиозными перспективами, либо пугаясь его катастрофическими последствиями использования новых технологий. В результате социально-философский аспект развития современных биомедицинских технологий представляет собой малоизученную проблему, причём не только в России, но и за рубежом. В свете сказанного представляется чрезвычайно важным взглянуть на проблему сквозь призму опыта социальной философии и на этой основе попытаться наметить контуры её решения.

Затронутая нами тема характеризуется исключительной многоаспектностью, и её изучение может происходить в самых разных направлениях. В настоящей статье мы ограничимся только одной проблемой, порождаемой указанными выше переменами: попробуем дать социально-философский анализ того влияния, которое оказывается на субъект права со стороны техногенной цивилизации в виде развивающихся в ней биотехнологий.

Указанная проблема имеет первостепенное значение для дальнейшего нормального функционирования человеческого общества. Её удовлетво-

рительное решение необходимо для формирования законодательных основ в сфере биомедицины. Ведь до сих пор многие её аспекты находятся вне правового пространства на так называемой «ничейной земле» (в правовом смысле слова). При этом надо учесть, что биомедицинские технологии могут довольно радикально влиять на жизнь как каждого отдельного человека, так и общества в целом. Ведь они затрагивают наиболее фундаментальные основы функционирования человеческого организма, при изменении которых может необратимо преобразиться сама природа человека. Вполне очевидно, что применение столь мощного инструмента воздействия на человеческую природу наряду с лечебными целями может порождать и соблазн его преступного использования. В связи с этим общество должно создать в данной сфере такое правовое поле, которое исключило бы опасность негативных последствий возможного вторжения в человеческую природу.

Суть поставленной перед нами задачи заключается в том, чтобы оценить, в какой мере описанные выше перемены влияют на наше понимание одной из базовых категорий философии права – субъекта права. Ведь вполне вероятно, что содержание этой категории в скором будущем может претерпеть существенные изменения, так как принципиально изменится отражаемая ею реальность. Насущная потребность состоит в том, чтобы вовремя задать вопрос: в какой мере человек, преобразенный биомедицинскими технологиями, есть тот же самый человек И. Канта, над головой которого звездное небо и внутри которого моральный закон.

С точки зрения теории государства и права субъект права большинством авторов трактуется как возможный носитель прав и обязанностей, потенциальный участник правоотношения. Так, например, считают В.С. Нерсисянц [4, с. 515] и С.С. Алексеев [1, с. 380]. Подобное понимание субъекта права достаточно удобно и функционально, но всё-таки формально и оставляет много вопросов по поводу того, кто именно может быть носителем прав и обязанностей, какими свойствами он для этого должен обладать. Ведь человек – это не только юридический феномен. Право создается самими людьми, как реализация нравственного принципа справедливости, для целей обеспечения их нормального сосуществования. И это не просто абстрактное теоретическое высказывание, но актуальное в практическом плане и социально-философском дискурсе положение. Его отстаивали многие представители русской философии к. XIX и первой пол. XX вв.: В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин и др. Они исходили из того, что человек для целей такого познания должен рассматриваться во всей его многогранной природе и целостности (физическое тело, душа, дух).

Биомедицинские же технологии как раз и покушаются на эту целостность человека, делая ставку исключительно на физическое тело и тем самым отрывая его от души и духа. Европейская практика свидетельствует о том, что в качестве ключевой проблемы правового регулирования биомедицинских технологий рассматривается та, которая касается телесной, физической стороны жизни человека. Для западноевропейского подхода к этой про-

блеме характерен нормативизм как разновидность юридического позитивизма. Для такой позиции характерно игнорирование не только нравственных оснований права, но и социальных предпосылок его формирования и функционирования. В результате основной упор в социальном регулировании биомедицинских технологий на Западе делается на правовом порядке репродуктивной деятельности человека: установлении статуса эмбрионов, правовых последствиях искусственного оплодотворения. Налицо серьезная тенденция – при анализе характера и последствий воздействия биомедицинских технологий на человека в качестве важнейшей рассматривается материальная сторона его жизни, а духовная сторона игнорируется.

Важнейшим признаком субъекта права при такой постановке вопроса является его телесная организация. Если действие подобной тенденции продолжится, то вполне вероятно, что через некоторое время для того, чтобы решить, может ли некое существо выступать в качестве субъекта права, надо будет просто определить, какой процент тела этого существа возник в результате естественных условий, а какой был сформирован искусственно. Тогда достаточно будет законодательно установить определенное пороговое значение «естественности» этого тела (например, 50%) для того, чтобы можно было признавать (или не признавать) за ним набор прав и обязанностей, как выражение возможности (или невозможности) для него быть субъектом права.

Эта жутковатая футурологическая картина, к счастью, пока ещё не стала реальностью. Но она может стать та-

ковой, если мы заранее не побеспокоимся о том, чтобы выработать достаточно четкие философско-правовые императивы в этой сфере человеческой деятельности. Они должны уберечь от скатывания в биологизм при оценке правосубъектности живого существа. Для этого нам, прежде всего, нужно привлечь к рассмотрению гораздо более широкий спектр критериев, чем характеристики физического тела. С этой целью попробуем обратиться к опыту изучения родового понятия социального субъекта, так как субъект права соотносится с ним как понятие видовое.

Для рассматриваемой нами темы особенно важно выделить ту характеристику социального субъекта, которая отличает его от природных явлений. Как отмечает в своей статье исследователь социального субъекта А.И. Виноградов, такой отличительной характеристикой является специфически субъектная активность, осуществляемая на основе вкладываемого в эту активность смысла [2, с. 25]. Эта точка зрения представляется вполне конструктивной, так как природные процессы, протекающие без участия субъекта, не обладают смыслом. Вода, например, не может ставить цель течь в определенном направлении – она включена в действие природной необходимости. Человек же может ставить и достигать цели даже вопреки этой необходимости. Благодаря этой возможности для него открыта сфера свободы для реализации собственных представлений. Но это же обстоятельство, с учётом социального характера субъекта деятельности, одновременно создает необходимость нормативной регуляции этой деятельности, по сути,

превращая деятеля в субъект права, так как очерчивает круг его прав и обязанностей.

Итак, человек благодаря осмысленности своих действий получает свободу, реализация которой в определенных моментах сталкивается с такой же реализацией свободы других людей, что порождает сначала моральный, а затем и правовой способы решения этой проблемы. Так возможность сама приводит к своему ограничению. Очевидно, что это не бесконфликтный процесс. И это особенно хорошо видно в современном обществе, создающем самые широкие возможности для реализации человеком своих желаний и представлений. Так, обсуждаемые нами биомедицинские технологии скоро смогут позволить жить гораздо дольше, чем было предусмотрено биологическими ресурсами тела, а в перспективе они так видоизменяют человеческое тело, что оно сможет существовать в течение сотен лет. Но это может стать помехой на пути возникновения новых поколений людей, явно нарушая их право на существование и на реализацию ими собственной свободы. Не выпадает ли такой субъект, по сути, отрицающий неотчуждаемые права других людей, из правового поля, остается ли он тогда субъектом права или его лучше характеризовать как «субъект бесправия», так как именно в этом заключена суть того, что он творит?

Эти размышления демонстрируют, что для решения рассматриваемой нами проблемы надо обратиться к двум её ключевым аспектам. Первый из них связан с отправным пунктом выстроенной логической цепочки – с осмысленным характером деятель-

ности субъекта права. На этот статус независимо от особенностей телесной организации может претендовать только то существо, которое осознает свои действия и в силу этого способно нести ответственность за них. При использовании подобного критерия совершенно неважно, какие части тела этого существа состоят из естественных элементов, а на какую – из искусственных. Признак понимания человеком возможных последствий своего поведения как результатов достижения тех или иных свободно поставленных им самим целей отличает его как от других биологических организмов, так и от систем технической природы. Как результат этого, он и наделяется правовым характером деятельности: человек может отвечать только за то, что он выбрал актом свободной воли.

Но этот критерий отнесения к субъекту права, конечно, носит достаточно формальный характер. И, как таковой, с течением времени он может потерять свою функцию. Например, это может случиться, если будет создано такое информационное устройство, которое, анализируя огромное количество вариантов возможных последствий своих действий, будет осуществлять выбор, по сути, понимая, что оно делает, и, значит, должно нести ответственность, как и любой телесно организованный субъект права. Следовательно, надо найти ещё один критерий субъекта права, на этот раз не формальный, а содержательный.

С этой целью мы обратимся ко второму аспекту проблемы, который касается уже не факта предвидения субъектом права своих действий, но мотивов этих действий, тех причин, по которым действия совершаются. Есте-

ственно, что в основе любой деятельности лежат материальные и духовные потребности и интересы. Но время от времени любое действующее лицо попадает в ситуацию, когда надо выстроить иерархию потребностей и интересов или пожертвовать какими-то из них в пользу другого лица. И здесь не обойтись чисто правовой мотивацией. Надо включить в рассмотрение сферу более широкую, чем право, которая служит в качестве основания для права – это сфера морали. Здесь мы можем опереться на богатое наследие русской философии, в которой была глубоко проработана эта тема, – и, прежде всего, на работы В.С. Соловьева и И.А. Ильина.

В.С. Соловьев использовал понятия «нравственное право» и «нравственная обязанность», тем самым показывая, что при всех различиях, имеющих место между этими сферами, в них есть и принципиальное единство. Согласно В.С. Соловьеву, «право есть низший предел или определенный минимум нравственности» [5, с. 448]. При этом он подчеркивал, что право, в отличие от морали, есть «требование реализации этого минимума», допускающее принуждение [5, с. 449–450]. Само право В.С. Соловьев понимал как принудительное равновесие «двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [5, с. 453]. Получается, что оценка деятельности субъекта права в своей сущности оказывается нравственной, право лишь придает принудительность границам равновесия нравственных интересов. Но тогда возникает проблема: как произвести эту оценку. В.С. Соловьев предлагает осуществлять её не по самой злой воле субъекта и не по результату его

деяния, который может быть и случайным, а только по связи намерения с результатом или степени реализации злой воли в деянии [5, с. 457].

Таким образом, формальный признак («осмысленность деяния») В.С. Соловьев дополнил содержательным признаком, показав, что оценка субъекта права должна производиться ещё и с нравственной точки зрения; в зависимости от того, какой именно умысел содержится в его действиях. Получается, что характер реализованной воли показывает, рассматривает ли действующий себя как часть человеческого общества, что невозможно без соотнесения своей свободы со свободой других людей, или ставит себя вне его, нарушая одновременно и нравственные, и правовые принципы жизни общества. Этот критерий позволяет оценить любое существо в качестве субъекта права, независимо от того, является ли оно человеком в современном нам смысле слова или представляет собой трудноопределимый продукт биотехнологий.

И.А. Ильин развил и конкретизировал эту идею В.С. Соловьева. Он также считал, что субъект права не может рассматриваться только с точки зрения формальной юриспруденции, так как при таком подходе утрачивается нравственная основа права. Субъект права для И.А. Ильина – это носитель правосознания, которое и есть концентрированное выражение намерений человека, так как оно «охватывает и чувство, и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательного духовного опыта» [3, с. 274]. Таким образом, именно правосознание обеспечивает «связь намерения с результатом» в деянии. Нравственно здоро-

вое правосознание призвано помогать человеку «подавлять в себе беспредметное честолюбие, жадность, вражду, склонность к озлобленному напору и отпору» [3, с. 273], т. е. уменьшать злую волю в его деяниях и увеличивать добрую. Правосознание с деградировавшей нравственностью приводит к несправедливости, беспринципности и продажности в поведении человека [3, с. 275].

Описанная выше цепочка размышлений последовательно приводит нас к раскрытию содержательной стороны той самой «осмысленной активности», которая является отличительным признаком субъекта права. Такой характеристикой оказывается наличие у действующего существа возможности осознавать нравственные последствия своих действий. Недаром В.С. Соло-

вьев считал нравственные представления исключительно человеческой способностью. Согласно его взглядам, человек, в отличие от других существ, «может делать добро помимо и вопреки всяких корыстных соображений, ради самой идеи добра, из одного уважения к долгу или нравственному закону» [5, с. 114]. Правовые нормы легко формализуются – необходимость их выполнения можно заложить даже в машину. А вот способность оценки поступков в категориях добра и зла нельзя формализовать. Это означает, что наличие данной способности у существа даёт основания для того, чтобы, помимо всего прочего, рассматривать его в качестве субъекта права. И это не изменить никаким трансформациям техногенной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. 576 с.
2. Виноградов А.И. Границы как фактор деятельности субъекта истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 2. С. 24–31.
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003. С. 85–340.
4. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–548.

REFERENCES:

1. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]. M., Prospekt, 2009. 576 p.
2. Vinogradov A.I. Granitsy kak faktor deyatel'nosti sub'ekta istorii [Borders as a factor of activity of the subject of history] // [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2015, no. 2, pp. 24–31.
3. Il'in I.A. Put' dukhovnogo obnoveniya [The Path of Spiritual Renewal] // Il'in I.A. Religioznyy smysl filosofii [The Religious Meaning of Philosophy]. M., AST, 2003. Pp. 85–340.
4. Nersesyants V.S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik [General Theory of Law and State: textbook]. M., Norma, INFRA-M, 2012. 560 p.
5. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra [The Justification of the Good] // Solov'ev V.S. Sochineniya: v 2 t. T. 1 [Op.: in 2 vol. Vol. 1]. M., Mysl', 1990, pp. 47–548.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красова Елена Михайловна – аспирант кафедры философии и социальных наук Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета;
e-mail: krasova-e-murmansk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yelena Krasova – Postgraduate Student at the Department of Philosophy and Social Sciences at Social-Humanity Institute of Murmansk Arctic State University;
e-mail: krasova-e-murmansk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Красова Е.М. Субъект права техногенной цивилизации в свете философии В.С. Соловьева и И.А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки, 2017. № 1. С. 96-103.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-96-103

CORRECT REFERENCE

E. Krasova The Subject of Law in Technogenic Civilization in the Philosophy of V. Solovyov and I. Ilyin // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy, 2017, no. 1, pp. 96-103.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-96-103